

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

кандидат философских наук, и.о. заведующего отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

**Глобальное гражданское общество:
концептуализации и посткоммунистические
вариации**

Abstract

It is analysed the phenomenon and concept of global civil society. The principal methodological position of the analysis is the view on global civil society as a natural outcome of the contradictory process of globalisation and as a new actor of the global policy. It is reviewed various strategies and responds by global civil society towards globalisation — from support and partnership in the system of global governance to political anti-global movement. The special attention is paid to the issues of external pressure by global civil society on authoritarian regimes (the so called “boomerang effect”). The conclusions on the peculiarities of Ukraine’s political and cultural situation are suggested.

На фоне академических и политических дебатов о глобализации, модернизации и последствиях третьей волны демократизации (последние особенно актуальны для многих посткоммунистических стран Восточной Европы, и в частности Украины) концепция и в целом феномен глобального гражданского общества должны привлекать особое внимание отечественных исследователей. Это вполне естественно, если учесть возможные политические приложения данной концепции и актуальные вопросы, связанные с ними, а именно:

- Насколько долго современные авторитарные режимы способны сохранять свою “недемократическую самостоятельность” в условиях глобального доминирования демократии?

- Насколько действенным может быть демократическое влияние извне благодаря глобальному развитию новой коммуникативной культуры и технических средств коммуникации (в частности Интернета)?
- Возможно ли эффективное перенесение образцов и моделей демократической культуры и институтов через границы национальных государств с относительно слабыми национальными гражданскими обществами, и если да, то в какой мере относительная зрелость последних делает возможной адаптацию этих образцов и моделей?

Данная статья, подготовленная во время президентских выборов 2004 года в Украине, не дает окончательного ответа на эти и другие актуальные вопросы¹. В той или иной форме они постоянно дебатировались в современной политической социологии, по крайней мере с конца 1950-х годов в рамках *концепции гражданской культуры* (civic culture) и в русле теории политического развития (Л.Пай, Г.Альмонд, С.Верба, Р.Бендикс, С.Хантингтон). Моя цель здесь — скорее обсуждение и анализ некоторых теоретических основ концепции глобального гражданского общества, которые, по моему мнению, крайне необходимы для решения указанных проблем трансформирующихся обществ, в том числе и для Украины, в новых социокультурных и политических обстоятельствах.

Начну с некоторых институциональных и эмпирических характеристик феномена глобального гражданского общества.

Глобальное гражданское общество: институциональные и эмпирические контуры

В первом приближении глобальное гражданское общество — это гражданское общество, вышедшее за пределы национальных государств и действующее в международном масштабе, объединяя в своих сетях и организациях представителей разных стран и направляя свою активность на сферу глобального общественного блага, то есть на преодоление последствий стихийных бедствий, предотвращение гуманитарных конфликтов и катастроф, борьбу с эпидемией ВИЧ/СПИДа, решение проблем экологии, защиту прав человека, формирование международных демократических коалиций и т.п. Логика такого видения весьма очевидна и не лишена некоторых рациональных оснований. Так, главное структурное звено национальных гражданских обществ — негосударственные организации (НГО) — трансформируются в глобальном формате в международные общественные организации, которые все еще по терминологической инерции определяют как международные негосударственные или неправительственные (International non-governmental). Примером такой трансформации является процесс становления ныне

¹ В свете недавнего политического опыта влияния глобальной демократической культуры и институтов через массовые акции прямого действия и деятельность международных и национальных негосударственных организаций такие события, как свержение политического режима С.Милошевича в Сербии, устранение от власти правительства Э.Шеварднадзе в ходе “революции роз” в Грузии и развертывание “оранжевой” революции в Украине в конце 2004 года, теряют признаки полусекретного технологического продукта отдельных активистов-практиков и демократических менеджеров и становятся предметом исследовательского интереса.

мощной и влиятельной правозащитной организации “Международная амнистия” (Amnesty International), которая начала свою историю с небольшой британской НГО, инициированной английским адвокатом Петером Бененсоном в 1961 году в Лондоне. Сегодня “Международная амнистия” с секретариатом в Лондоне, в штат которого входят 320 сотрудников, охватывает сеть до 1 млн членов, волонтеров и доноров более чем в 140 странах мира [1, с. 193]. Среди международных общественных организаций следует назвать такие известные и не ограниченные национальными границами институты, как “Врачи без границ”, “Репортеры без границ”, мощные экологические организации “Зеленый мир” (Greenpeace) и “Друзья планеты” (Friends of the Earth International), международная антикоррупционная организация “Международная прозрачность” (Transparency International), правозащитные международные организации по типу упоминавшейся “Международной амнистии” и Международной организации защиты прав человека (Human Right Watch), а также международная гуманитарная организация “Oxfam”.

Международные негосударственные организации уже имеют собственные сетевые и организационные “зонтики”, в частности *Союз международных ассоциаций* (Union of International Associations) и *Мировой альянс гражданского участия* (World Alliance for Citizen Participation – CIVICUS). Они активно сотрудничают с ООН, а некоторые из них имеют консультативный статус и статус наблюдателей при этой организации. Сеть международных НГО и национальных общественных организаций, ориентированных на международную деятельность, активно развивается. XX век, и особенно его последняя четверть — это период “тектонического роста” по количеству и разнообразию общественных организаций, действующих в планетарном масштабе [2, с. 4]. В начале XXI века насчитывалось до 50 тыс. таких организаций [1, с. 194]. Причем количество их в последние 20 лет XX века увеличилось почти в 4 раза [1, с. 194]. И хотя большая часть главных офисов этих организаций с более чем 100-тысячным штатом расположена в Европе и США (специфика, о которой мы скажем далее), они осуществляют свою деятельность практически во всех населенных уголках планеты. Поражают и масштабы финансового обеспечения деятельности международных негосударственных организаций. В общей сложности международные неправительственные организации оперируют в своей деятельности более мощным финансовым потоком, нежели ООН (без таких структурных подразделений, как Мировой банк и Международный валютный фонд); свыше двух третей фонда экономической помощи Европейского Союза распределяется через эти организации [2, с. 5], и во многих развитых странах мира наблюдается тенденция все большего использования государственных фондов в осуществлении целевых программ международной помощи через сети национальных и международных общественных организаций. С начала 2000-х годов ежегодный размер целевых средств по программам экономической помощи, которые распределялись международными общественными организациями, составлял около 7 млрд американских долларов [2, с. 5]. То есть даже с формальной точки зрения международные НГО по количеству регистраций, размаху деятельности и ее финансовому обеспечению являются новым весьма влиятельным актором глобальной гуманитарной политики.

Подобно традиционным национальным гражданским обществам глобальное гражданское общество пытается распространять свою идеологию,

поддерживая сеть подразделений и активистов, а также координировать сотрудничество национальных организаций путем инициирования (нередко при поддержке ООН) мировых форумов по различным проблемам мирового развития (Международная конференция женщин в Найроби в 1985 году, Конференция по мировым проблемам в Рио-де-Жанейро 1992 года, Конференция по социальным проблемам в Копенгагене 1995 года, Мировая конференция женщин в Пекине в том же году, I и II Мировые социальные форумы, проходившие в бразильском Порто-Алегре в 2001 и 2002 годах).

И даже учитывая очевидное сходство между традиционным национальным гражданским обществом и глобальным гражданским обществом, аналогия между ними исчерпывающе не объясняет природу и причины активного развития, а также специфику и характер деятельности последнего. По этому поводу известный британский исследователь Джон Кин замечает: если какое-либо существо ходит, как утка, и даже крякает похоже, это еще не означает, что это существо действительно является уткой [2, с. 5].

Однако я не склонен полностью отрицать определенное родство глобального гражданского общества с традиционным гражданским обществом. К тому же, если выбрать историчность как критерий анализа, то следует подчеркнуть, что формально международным (или скорее межкультурным) проявлением деятельности гражданского общества была еще миссионерская активность религиозных движений и общин — суфийских, католических и буддистских. Религиозные организации существовали и среди основных инициаторов, по-видимому, первой исторической кампании по защите прав человека — борьбы против рабства и работорговли в США в XIX веке. Как отмечают американские исследователи Энн Флорини и Петер Симмонс, «ныне имеются весомые доказательства того, что рабство оставалось экономически выгодным во многих местах, где оно было запрещено; эта практика была поставлена вне закона не потому, что рабовладельцы убедились в ее экономической невыгодности, а именно благодаря росту протестантского религиозного движения, особенно среди квакеров, методистов и баптистов, которые рассматривали рабство как морально неприемлемое и потому распространяли свое политическое влияние относительно его запрета» [3, с. 8]. В конце XVIII века почти одновременно в Пенсильвании, Британии и Франции возникли общества, или, в нашем современном понимании, НГО, целью которых было запрещение рабства. Общая активность и связи между этими организациями привели к образованию в 1839 году Британского и зарубежного общества против рабства (British and Foreign Anti-Slavery Society). По мнению комментаторов, это была первая международная морально-общественная инициатива защиты прав человека, то есть международная координированная активность, по всем признакам приближающаяся к пониманию «транснационального гражданского общества» [3, с. 8]. С середины XIX века история развития международной общественной активности не прекращается и наиболее четко выражается в деятельности международных организаций по вопросам формирования международного права и международных торгово-экономических отношений. В этот период был основан Международный комитет Красного креста (International Committee of the Red Cross), что явилось первым шагом в формировании Международного общества Красного креста и Красного полумесяца.

Таким образом, международная общественная активность имеет свою довольно давнюю историю. И, разумеется, глобальное гражданское общество, связанное с процессами глобализации конца XX — начала XXI веков, не возникло “из воздуха”, а формируется и развивается в данном историческом контексте, который приобрел особую выразительность в последней четверти XX века. Объем этой статьи не позволяет провести детальный анализ сущности феномена глобализации, заслуживающего отдельного рассмотрения. Поэтому отмечу только, ссылаясь на мнение британского социолога Э.Гидденса, что в самом широком понимании противоречивое понятие глобализации, вошедшее в общественный дискурс с начала 1990-х годов, определяет новейшие тенденции и процессы интенсификации и расширения взаимосвязей и общественных отношений в планетарном масштабе [4]. Именно в таком контексте я буду рассматривать глобальное гражданское общество.

Глобальное гражданское общество: концептуальные подходы

В современном обществоведческом дискурсе ученые отмечают разные аспекты актуализации и самого понимания глобального гражданского общества. Характеризуя исторический контекст возникновения и активного развития этого феномена с начала 1990-х годов, уже упоминавшийся Д.Кин выделяет семь взаимосвязанных тенденций:

- возрождение концепции гражданского общества либеральными интеллектуалами в Восточной и Центральной Европе после силового подавления Пражской весны 1968 года и актуализация этой концепции в период посткоммунистических революций начала 1990-х годов;
- влияние революционного эффекта новых спутниковых и компьютерных технологий и коммуникаций (известный образ *глобальной деревни* Маршала МакЛьюена стал реальностью);
- формирование под влиянием массовых пацифистских и экологических движений нового глобального самосознания относительно жизни в непрочном и потенциально саморазрушающемся мире (что особенно актуально для Украины в связи с величайшей техногенной катастрофой на Чернобыльской АЭС. — *В.С.*);
- распространенные представления о приходе нового глобального политического порядка после развала мировой коммунистической системы советского типа;
- значительное усиление влияния неолиберальной экономической парадигмы и всемирное разрастание рыночной капиталистической экономики;
- настроения массового разочарования, и прежде всего среди населения стран “третьего мира”, по поводу обещанной экономической помощи постколониальным странам;
- усиление тревоги из-за опасного и экономически неблагоприятного политического вакуума, образовавшегося в результате распада империй и держав и ставшего причиной многих гражданских войн в разных уголках планеты [2, с. 1–2].

Такое широкое историческое, политическое и социокультурное содержание концепции отвечает многозначности и противоречивости самого социального феномена глобального гражданского общества. Здесь возникают

концептуальные сложности, аналогичные проблемам определения традиционного гражданского общества. Собственно говоря, что такое “глобальное гражданское общество” — негосударственные организации и институты, неформальные сети, международные общественные движения, дискурсы, ценности, коммуникации, специфический социальный капитал? Каково поле его действия и как именно оно расположено на концептуально-институциональной карте — над государственными границами, в новой глобальной публичной сфере вне мирового глобального рынка и семейных уз? Кого следует считать акторами глобального гражданского общества? В ответах на эти вопросы современный дискурс глобального гражданского общества не отличается конвенционной устойчивостью. Как довольно жестко замечают некоторые исследователи, “дискуссии по поводу глобального гражданского общества представляются слишком абстрактными, типичным образом характеризую это явление как разнообразную множественность сложных взаимосвязей, взаимозависимых цепочек сетей и интеракций, осуществляющихся неизвестно где” [5, с. 5].

Не подвергая сомнению существования феномена, можно, однако, согласиться с тем, что его определение составляет проблему. Одно из возможных решений предлагает тот же Д.Кин, применяя классическую методологическую стратегию *идеального типа* в определении глобального гражданского общества. Последнее, по мнению этого теоретика, означает “динамическую негосударственную систему взаимосвязанных социально-экономических институтов, охватывающих всю планету, создавая во всех ее уголках комплексный эффект от своей деятельности” [2, с. 8]. Глобальное гражданское общество как постоянно развивающийся социальный феномен является, согласно Д.Кину, незавершенным проектом, “который состоит из порой развитых, а иногда неразвитых взаимосвязанных сетей, пирамид и коммуникативных (hub-and-spoke) кластеров *социально-экономических* институтов и акторов, самоорганизующихся через границы с осознанной целью объединить мир по-новому” [2, с. 8].

Другой стратегией в определении и концептуализации глобального гражданского общества является, как отмечалось, сравнение его с традиционным гражданским обществом. Действительно, многие участники дебатов по этому поводу — обществоведы, эксперты международных отношений, экономисты, политики, представители международных неправительственных организаций и движений — усматривают в этом феномене определенную закономерную историческую фазу развития гражданского общества в эпоху глобализации. Аналитики также часто подчеркивают концептуальное сходство неологизма “глобальное гражданское общество” с его историческим аналогом, который традиционно формировался и развивался в пределах национальных государств. Один из авторов, к примеру, замечает, что глобальное гражданское общество — “близкий концептуальный сородич гражданского общества”, который появился на авансцене в последнюю четверть XX века как полезная концепция для характеристики глобального автономного пространства гражданской и организационной активности в эпоху глобализации [6, с. 12]. Согласно этому подходу, глобальное гражданское общество представляет собой “третий сектор”, не просто отличающийся от современной государственноцентрической модели международных отношений и глобального экономического рынка, но и в определенной степени являющийся альтернативой им. Даже в начале XXI века тезис о перспективах

завершения эры национальных государств выглядит несколько наивным или, по крайней мере, преждевременным диагнозом развития мирового порядка [7]. Но нельзя не согласиться с тем, что глобальное гражданское общество уже является реальным актором современной международной политики, способным создать альтернативу и даже нейтрализовать существующие конфигурации глобальной власти и правления, выдвигая и лоббируя альтернативные ценности.

Не отрицая методологической важности двух предыдущих подходов к пониманию глобального гражданского общества, я склонен, тем не менее, поддерживать позицию тех исследователей, которые усматривают его основной родовой признак в родстве этого феномена с процессами глобализации. Именно эта методологическая посылка, как уже отмечалось, будет принципиальной основой предлагаемого анализа. Итак, прежде всего следует обратить внимание на противоречивый характер глобализации, сочетающей как вселяющие оптимизм возможности международной экономической кооперации, расширения свободы коммуникации и информации, так и острые проблемы неравенства экономического развития разных стран и проблемы “демократического дефицита” новых форм власти и правления в новом мировом порядке. Глобальное гражданское общество как проявление глобализации в полной мере отражает ее противоречивый характер, сочетая, с одной стороны, формирование новых ценностей и этоса глобальной ответственности, новых форм и практик гражданского участия и солидарности в решении глобальных проблем человечества — *проекте глобализации* снизу, так и острые проблемы отстранения или даже исключения из-за недостаточной институциональной представленности в своих институтах *стран* глобального Юга, а также тенденции бюрократизации международных общественных организаций, способных воспроизводить закрытую практику деятельности транснациональных корпораций, с другой стороны. События 11 сентября 2001 года весьма выразительно продемонстрировали темные аспекты развития глобализации и глобального гражданского общества. И наконец, в анализе концепции глобального гражданского общества я попробую перекинуть методологические мосты между отдельными проблемами посткоммунистических и постсоветских трансформаций.

Глобальное гражданское общество: ответы и стратегии относительно глобализации

Многие теоретики и активисты-практики определяют глобальное гражданское общество как демократическую альтернативу *глобализации снизу* в ответ на *глобализацию сверху*. При этом нельзя не заметить своеобразную проекцию традиционной диспозиции *гражданское общество versus государство*, которая как бы перенесена на мировой уровень в отношении *глобальная общественность (global polity) versus глобальное правление (global governance)*. Убедительными аргументами в пользу такого видения глобального гражданского общества как *этически-нормативного* идеала справедливости и демократического участия являются следующие обстоятельства. Система глобального правления с ее анонимностью, неподотчетностью мировой общественности при отсутствии прозрачности в принятии решений порождает в новом глобальном общественном пространстве вакуум демократии и дефицит демократического участия. Этот дефицит и должен компенсиро-

ваться развитием глобального гражданского общества как естественного демократического противовеса. Как отмечают Э.Флорини и П.Симмонс, “мир остро нуждается *в том*, кто бы действовал и выступал как “глобальная совесть” и представлял широкие общественные интересы, которые не всегда становятся предметом внимания конкретных территориальных государств или откровенно игнорируются ими” [3, с. 4].

Необходимость глобального гражданского общества и, главное, его участия как полноценного актора глобальной политики часто аргументируют также большей *эффективностью* этой политики. Действительно, подход общественных организаций к решению общественных проблем в конструктивном смысле нередко отличается от государственного, поскольку общественные организации (особенно специализированные) зачастую нацеливают свою деятельность на конкретную проблему или задачу в отличие от практики охвата широкого спектра социальных проблем государством. Такие организации в отличие от государства часто способны к широкой мобилизации общественности, эффективному привлечению экспертов, а также дополнительных финансовых и информационных ресурсов для решения проблемы. Именно эти отличия подхода общественных организаций от государственных стратегий в отношении некоторых социальных проблем, и в первую очередь в таких сферах, как защита прав человека и экология, дают им существенные преимущества и делают их политику более эффективной на глобальном уровне [9, с. 510].

И наконец, третья, достаточно критическая позиция относительно глобального гражданского общества, которую можно условно назвать *компенсаторным* аргументом. Его суть сводится к мнению о том, что проект глобального гражданского общества является другой родовой стороной глобализации как процесса всемирной капиталистической экспансии западных экономических и культурных моделей. Сторонники этих двух глобальных проектов вроде бы разделяют общие космополитические установки об исчезновении наций, государств и национализма. Активность глобального гражданского общества в распространении западных либеральных ценностей как универсальных, с точки зрения этой логики, объективно способствует процессу стирания экономических и культурных особенностей разных стран мира. А это, в свою очередь, расчищает путь для экспансии глобального капитала на местных рынках и использования дешевой рабочей силы развивающихся стран. Исследователи, придерживающиеся этой позиции, склонны также считать, что определенная фетишизация глобального гражданского общества и убеждение в эффективности его альтернативы негативным аспектам глобализации основаны на ложных выводах о том, что в современных условиях государство якобы утратило контроль над капиталом и демократизация уже невозможна на национальном уровне [5, с. 11]. К обсуждению этой особой позиции я еще вернусь ниже.

Три приведенных аргумента — этико-нормативный, функциональный и компенсаторный — по-разному обосновывают необходимость формирования и развития глобального гражданского общества как своеобразной реакции на процессы глобализации. Эти аргументы различным образом объясняют причины возникновения и существования этого феномена. Однако они не дают полного представления о спектре позиций в отношении глобализации, в контексте которых определяются и действуют структуры и ин-

ституты глобального гражданского общества. В разных классификациях этот спектр охватывает разнонаправленные установки — от безусловной поддержки глобализации до резко негативного отношения к ней и политического противодействия ее процессам. В этом смысле конструктивными представляются выводы экспертов проекта исследования глобального гражданского общества под эгидой Лондонской школы экономики, которые, выделяя идеально типичные отношения к глобализации, очерчивают следующие позиции: 1) безусловная поддержка; 2) регрессивная глобализация; 3) реформирование ее проекта; 4) отказ от глобализации или отрицание ее [10, с. 5–7]. Этим позициям соответствуют определенные стратегические ориентиры и политика международных организаций, акторов и институтов современного гражданского общества относительно глобализации.

Впрочем, как отмечают исследователи, в начале XXI века крайние позиции поддержки и отрицания глобализации имеют незначительную поддержку среди акторов современной глобальной политики, включая институты гражданского общества [10, с. 5–7]. Глобальный мир после 11 сентября 2001 года, казалось бы, окончательно избавился от розовых очков применительно к утопическим перспективам космополитической демократии без каких-либо границ. Вместе с тем сегодня бесперспективным анахронизмом выглядят грезы о возвращении в век изоляционизма и традиционной политики национальных государств. Напротив, согласно упомянутому исследованию, все отношения к глобализации как к противоречивому явлению концентрируются вокруг двух промежуточных позиций — *регрессивной* и *реформаторской*. Приверженцы регрессивной глобализации (*regressive globalisers*) поддерживают ее отдельные аспекты и тенденции, в целом благоприятные для жизнедеятельности и активности влиятельного меньшинства, несмотря на негативные последствия прочих проявлений глобализации для остального населения. С точки зрения этой прагматической позиции глобализацию расценивают как нулевой баланс ее положительных и негативных характеристик. Реформаторы от глобализации, или сторонники распределительной глобализации (*distributive globalisers*) стремятся к “цивилизованной” или “гуманизированной” глобализации, способствующей благополучию большинства.

Разные акторы современного глобального гражданского общества — международные общественные организации, социальные движения, инициативы отдельных групп и активистов — выбирают свою стратегию в координатах выбора среди данных идеально-типичных позиций по отношению к глобализации. Спектр стратегий глобального гражданского общества — от партнерства со структурами ООН, государствами и транснациональными корпорациями (ТНК) в сфере гуманитарной политики до традиционных антиглобалистских движений и антивоенных протестов, активности в сфере защиты прав человека и глобальной экологии — представляют, часто в смешанной форме, следующие манифестации этих позиций (см. табл.).

Как видим, манифестации и стратегии глобального гражданского общества весьма различны (порой они кажутся противоположными — от поддержки и партнерства в системе глобального правления до политических движений сопротивления глобализации). В значительной степени стратегии акторов гражданского общества зависят от их позиции по отношению к противоречивым процессам глобализации, а также от геополитического

контекста представительства. Геополитический Юг явственнее ощущает негативные последствия глобализации по сравнению с геополитическим Севером. Непропорциональное представительство в международных негосударственных организациях населения развитых стран Северной Америки и Западной Европы в сопоставлении с развивающимися странами и даже расположение офисов и штаб-квартир этих организаций преимущественно в странах геополитического Севера (США, Великобритания, Швейцария, Япония) свидетельствуют о наличии проблем диспропорциональности регионального развития глобального гражданского общества. В этой перспективе обнаруживается еще одна серьезная проблема — поиск оптимального соотношения усилий и стратегий глобального гражданского общества, или скорее международной деятельности интернациональных НГО, и местных гражданских обществ в развивающихся странах. Эксперты не без оснований предостерегают о том, что “глобальное мышление и активность, в той мере, в какой они основаны на убеждении в существовании универсально-глобальных (то есть западных) решений конкретных местных проблем, могут привести к разрушению национальных и местных подходов и инициатив” [5, с. 13]. Известная поговорка о большей полезности рыболовной удочки для начинающего рыболова по сравнению с поставками готовой рыбы для человека, который именно поэтому сам не учится ловить рыбу и не ощущает в этом потребности, является метафорическим выражением соотношения стратегий зависимости и опоры на собственные силы.

Таблица

Манифестации глобального гражданского общества

Формы	Ведущие акторы	Позиция относительно глобализации	Примеры
<i>Новый общественный менеджмент:</i> организации гражданского общества (ОГО) как подрядчики реализации политики государственных и международных организаций	Международные НГО и институты делегирования государственных полномочий	Поддержка и реформирование	Oxfam; World Vision; Save the Children
<i>Корпоративизация:</i> ОГО в партнерстве с транснациональными корпорациями (ТНК)	НГО и ТНК	Поддержка и реформирование	Nike; GreenPeace; Starbucks; World Wildlife Fund
<i>Социальный капитал и самоорганизация:</i> гражданское общество в формировании доверия через свои сети	НГО и объединения; альтернативные движения	Реформирование, отказ и регрессивная позиция	Организации развития общин, морально-религиозные организации
<i>Активизм:</i> гражданское общество в наблюдении и формировании альтернативы власти	Международные движения, общественные сети	Реформирование и отказ	Global Witness; Corporate Watch; международные социальные форумы

Источник: [10, с. 5–7].

Это предостережение действительно актуально в силу потребности в корректировке стратегий внешнего влияния международных обществен-

ных организаций на решение конкретных проблем, защиту гражданских прав и лоббирование инициатив в отдельных странах — от сопротивления политике транснациональных корпораций в развивающихся странах до внешней помощи процессам демократизации в поставторитарных и посткоммунистических государствах. Большие надежды местных общественных активистов на помощь международных общественных организаций в решении проблем местной политики могут послужить причиной “демобилизации” местных общественных усилий и, по крайней мере косвенным образом, замедлять или деформировать развитие национального гражданского общества. И если местная общественная инициатива получает собственный импульс и имеет широкую общественную поддержку, международная поддержка и солидарность будут только способствовать ее успеху. Подробнее рассмотрим эти и некоторые другие аспекты функционирования глобального гражданского общества.

Глобальное гражданское общество как внешний политический фактор

В эпоху глобализации международные акторы гражданской политики доказывают свою состоятельность не только в традиционных сферах международной гуманитарной политики “без границ”, каковыми являются преодоление бедности, решение экологических проблем, борьба с эпидемией ВИЧ/СПИДа и др. В сфере демократизации и защиты прав человека объектом внимания и усилий глобального гражданского общества и его сетей часто становятся правительства отдельных государств, не придерживающиеся в своей внутренней политике требований международного права и базовых демократических норм и принципов. В таких случаях международные общественные организации, целью которых является развитие демократических свобод, формирование норм и утверждение верховенства права в разных странах мира, нередко выступают как группы активного внешнего давления и международной критики недемократических режимов. Однако эффективность влияния глобального гражданского общества на политику отдельных государств зависит от многих факторов, в том числе от сути лоббируемой ими проблемы, состоятельности местного гражданского движения и действенности центров гражданского общества, его стратегии в мобилизации международных союзников, чувствительности национального правительства и его готовности корректировать свою политику в условиях внешнего давления, геополитической значимости событий для влиятельных мировых государств и международных групп и т.п. Информационные и коммуникационные средства, характеризующие глобализацию, и прежде всего Интернет, открыли новые возможности для международных инициатив по поддержке и лоббированию местных демократических движений и кампаний.

Чтобы конкретизировать эти новые тенденции в сфере политики демократизации, присущей глобальному гражданскому обществу, и его роль как внешнего фактора влияния на национальную политику отдельного государства, обратимся к хрестоматийному примеру успешной мобилизации международных общественных организаций в истории восстания индейцев мексиканской провинции Чиापас (*Chiapas*) и формирования движения “Запатиста” (*Zapatistas*). Это движение получило международную поддержку,

вокруг него сформировалась коалиция международных организаций и активистов. Мексиканская кампания международного лоббирования демократии и прав человека середины 1990-х годов началась с довольно конкретной проблемы противодействия насилию со стороны мексиканского правительства в подавлении восстания индейцев Чиapas и движения “Запатиста”. Позже в повестку дня этой кампании добавились вопросы защиты прав коренных народов Мексики в отдельных негативных для них процессах развития глобальной экономики и требования углубления демократизации в этой стране.

История мексиканской кампании весьма показательна для эпохи глобализации. В начале 1990-х годов мексиканское правительство предприняло ряд решительных шагов по либерализации экономики страны с целью подготовить присоединение страны к североамериканскому соглашению о режиме свободной торговли со США и Канадой. Однако в 1994 году, в определенной мере как реакция на новую неолиберальную политику правительства, в одной из беднейших индейских провинций страны Чиapas вспыхнуло восстание под предводительством малоизвестной тогда политической группировки “Запатиста”. Повстанцы выступали против политики дискриминации и практики исключения коренных народов из активной политической и экономической жизни страны и выдвигали политические требования расширения своих прав и свобод. Мексиканское правительство направило в провинцию Чиapas войска для подавления восстания, но быстрая мобилизация независимых общественных организаций и правозащитных групп сначала в Мексике и США, а затем и в других странах в поддержку в целом справедливых требований “Запатиста” заставила правительство Мексики отказаться от применения военной силы против повстанцев и вести с ними мирные переговоры. Всемирный Интернет-ресурс поддержки “Запатиста” вскоре достиг почти глобального масштаба, обеспечив представительство правозащитных общественных организаций из США, Австралии, Италии, Канады, Нидерландов, Ирландии и многих других стран.

Эффективная международная коалиция гражданского общества в поддержку требований повстанцев, и шире — с целью углубления процессов демократизации в Мексике, сформировалась главным образом из четырех групп поддержки:

- 1) католические и протестантские религиозные организации, имевшие опыт инициирования протестов против американской политики поддержки авторитарных режимов Центральной Америки во времена “холодной войны” 1980-х годов;
- 2) студенческие и антивоенные движения и инициативы, в частности университетов Техаса и Калифорнии, а также южных штатов с наибольшим представительством мексиканской диаспоры;
- 3) американские и европейские негосударственные организации и аналитические центры, особенно сосредоточенные в своей деятельности на вопросах демократизации, правовой защиты, социальных реформ и разрешения конфликтов;
- 4) местные общественные организации, которые нередко инициировались и формировались сторонниками “Запатиста” в сети Интернет.

Такие благоприятные обстоятельства развертывания международной коалиции в поддержку движения “Запатиста”, как близость Мексики к

США с их мощной сетью международных общественных организаций и центров антиглобалистского движения, а также новые коммуникационные возможности Интернета, через который лидеры восстания распространяли свои декларации, программы и проводили консультации с коалицией поддержки, обеспечили чрезвычайную эффективность мексиканской кампании. Общие усилия национального движения “Запатиста” и международных общественных организаций привели к тому, что в середине 1990-х годов движение за права мексиканских индейцев фактически получило статус повестки дня мексиканского гражданского общества.

Успеху движения “Запатиста” также способствовала эффективная стратегия его руководства, одним из лидеров и идеологов которого был Рафаэль Себастьян Винсенте (известный своим приверженцам как генерал Маркос), человек с философским университетским образованием, профессор одного из мексиканских университетов. Стратегическим достижением руководства индейского движения было то, что ему удалось успешно трансформировать частный случай социальной и экономической дискриминации незащищенных групп населения в типичную проблему негативных социально-экономических последствий глобализации для населения многих развивающихся стран [11, с. 115–120]. Популярными ныне темы устойчивого экономического развития и участия местных общин в принятии государственных и международных решений в отношении социально-экономической политики развития отдельных регионов, в которых эти общины проживают, были чуть ли не впервые артикулированы в программных декларациях “Запатиста”.

Успешная и эффективная коалиция местного мексиканского движения и международных организаций гражданского общества в его поддержку в 1990-х годах, безусловно, имеет важное значение для постижения стратегии развития и взаимодействия глобального и национальных гражданских обществ. Анализируя позитивные уроки этой коалиции, можно выделить несколько компонентов ее успеха:

- удачная координация движения “Запатиста” с усилиями в его поддержку мексиканского и международного гражданских обществ;
- эффективное использование передовых коммуникационных технологий (Интернет) в формировании международной коалиции поддержки;
- стратегический успех идеологического руководства “Запатиста” в формулировании программы движения, которая не ограничивалась борьбой Чиapas за свои права на местном уровне, а приобрела значение программы отстаивания прав коренных народов в процессах развития глобальной рыночной экономики, актуализировала глобальные проблемные вопросы устойчивого развития, а также вызовы глобализации гражданскому обществу;
- удачное сочетание поддержки мексиканской диаспоры и заинтересованности соседних США в мирном переговорном процессе обсуждения программных требований “Запатиста” и мексиканского правительства.

Одним из важных условий успеха международной кампании защиты прав коренного народа Мексики была определенная чувствительность мек-

сиканского правительства к внешнему давлению со стороны демократических государств, прежде всего США и международных общественных организаций по мирному урегулированию внутренних политических проблем. В итоге особенности социального, культурного и политического контекста страны, место ее политического режима в системе координат от тоталитаризма до действенной демократии и, наконец, уровень развития национального гражданского общества имеют важное значение для эффективности внешнего влияния глобального гражданского общества. Иными словами, социокультурные и политические контексты Мексики, Китая, России и Украины различны, и речь не идет об автоматическом перенесении или “экспорте” опыта успешной международной гражданской коалиции, как это произошло в Мексике 1990-х годов. Процессы развития и формирования демократии и защиты гражданских прав, а также стратегии ее международной поддержки в каждой отдельной стране требуют конкретного подхода. Например, в Украине налицо и некоторое сходство, и существенные отличия по сравнению с мексиканским опытом успешного политического давления *снизу* и *извне*.

1. Украинское гражданское общество, развивавшееся преимущественно в форме профессионально-специализированных организаций и групп, оказалось малоэффективным актором социальных изменений в предыдущие переломные моменты политического развития страны (президентские избирательные кампании 1994 и 1999 годов, политический кризис 2001–2002 годов). Только массовое вовлечение так называемого “не гражданского общества” в активное политическое участие путем формирования личностных мотиваций граждан и выдвижения политической оппозицией требований системных изменений в организации социальных отношений и власти обеспечили массовое “оранжевое” движение *снизу* (подобное движению “Запатиста”) в ходе президентских выборов 2004 года.
2. Украина по своему геополитическому расположению (в отличие от Мексики) находится в сильном геополитическом, культурном и информационном гравитационном поле авторитарной России, однако преимуществом в такой позиции должна стать стратегия расчета на собственное демократическое движение, а определенной “компенсацией” может быть демократическое влияние европейских политических и гражданских институтов.
3. Отчасти по этим причинам в отличие от Мексики середины 1990-х в Украине не сработал фактор внешней мотивации власти в отношении к внешнему давлению — заявления о стратегии евроатлантической интеграции из-за различных обстоятельств политического развития страны в начале 2000-х годов оставались простыми декларациями в контексте “многовекторного” геополитического выбора.

Вместе с тем существуют и общие закономерности формирования и проведения политики, основу которой составляют координация усилий глобального и национального гражданских обществ и их взаимодействие с правительствами национальных государств. Динамика взаимодействия акторов в этом треугольнике часто объясняется так называемым эффектом бумеранга.

Эффект бумеранга, или “Запад нам поможет”?

Эффект бумеранга характеризует процесс взаимодействия международных и национальных организаций гражданского общества в их координированном влиянии *извне и снизу* на политику авторитарных и репрессивных правительств (рис.).

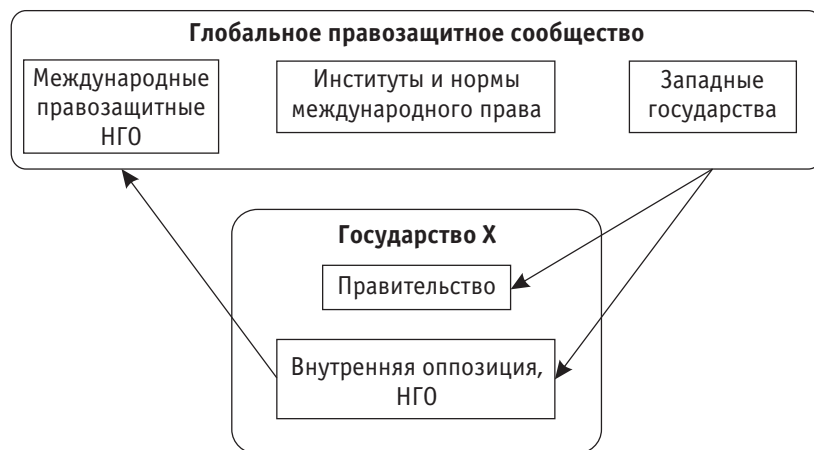

Рис. Эффект бумеранга

Источник: [12, с. 19].

Термин был введен американскими экспертами Маргарет Кек и Кетрин Сикинк [13] в их исследовании опыта коалиционного взаимодействия местных и международных НГО в кампаниях по защите гражданских прав в Латинской Америке. Модель бумеранга часто реализуется тогда, когда местные группы и инициативы, действующие в репрессивном и авторитарном государстве, обращаются за поддержкой к международным правозащитным и общественным организациям с целью дополнительного давления на правительства своих стран. И хотя реализация этой модели осуществлялась преимущественно в сфере защиты гражданских прав, на мой взгляд, это — достаточно типичная схема международной координации акторов гражданского общества. Часто в результате такого взаимодействия, как и в случае мексиканской кампании, возникают международные коалиции, объединяющие местные группы, членов международных общественных организаций, донорские международные институты, а иногда и правительства демократических государств. Международные организации обеспечивают интернациональный резонанс событий, помогают местным общественным группам консультациями, техническим и коммуникационным оснащением, а нередко обеспечивают и финансовую поддержку деятельности этих групп. Как и в случае движения “Запатиста”, политические требования которого со временем получили универсальный характер применительно ко многим уязвимым группам населения развивающихся стран, международный резонанс отдельной правозащитной кампании усиливает ее эффект, выдвигает новые острые проблемы авторитарной страны и подобно бумерангу возвращается на внутреннюю политическую арену.

Однако эта модель, как отмечалось, является типично-идеальной схемой, которая не всегда может реализоваться в несхожих обстоятельствах конкретных стран. Тем не менее, по убеждению некоторых экспертов и практиков, реальное взаимодействие разных акторов гражданского общества в деле лоббирования гражданских инициатив и правовой защиты напоминает не однократное действие бумеранга, а скорее спиралевидное. Американский исследователь Томас Риссе выделяет пять последовательных фаз такого движения бумеранга по спирали [13, с. 177–207].

1. *Фаза репрессий и активизации глобального гражданского общества.* На этом этапе проявляется кризисная ситуация в сфере прав человека и политических свобод в конкретной авторитарной стране. Местная оппозиция и НГО распространяют информацию о кризисной ситуации в стране, которая становится предметом внимания международных правовых институтов, правозащитных групп и гражданских организаций. Происходит мобилизация различных акторов глобального гражданского общества.

2. *Отрицание норм.* Правительства государств, грубо нарушающих международные правовые нормы, становятся объектом критики международных правовых институций и организаций. Но государства-нарушители в период этой фазы почти всегда отрицают нарушение международных правовых норм и политические притеснения, часто интерпретируя критику как вмешательство в свои внутренние дела. Дальнейшая эффективность внешнего давления и переход к следующей фазе спирали зависят от силы и координированности коалиции влияния, а также от чувствительности правительств к международной критике, их опасений относительно возможной изоляции или даже экономических санкций против этих государств.

3. *Тактические уступки.* Государство-нарушитель международного права и субъект политики ущемления гражданских свобод зачастую пытается избежать международной изоляции и поэтому, как правило, идет на политические уступки под влиянием международного давления. Такие политические уступки позволяют облегчить деятельность местных правозащитных и гражданских организаций, в частности создавая определенные гарантии личной безопасности гражданских активистов и политической оппозиции. На этой фазе крайне важна координация международных и национальных организаций гражданского общества в распространении информации о событиях, лоббировании важных игроков на поле международной политики и поддержке местных правозащитных групп.

4. *Рекомендации и политическая корректировка.* Национальные правительства прибегают к юридической институционализации норм международного права в отношении основных демократических процедур, прав и свобод во внутренних законодательствах своих стран, присоединяются к международным договорам и конвенциям. На этой фазе возможна либерализация *сверху* и даже смена политического режима. Демократические изменения в период 1980–1990-х годов в Польше и Чехословакии, в Южной Африке, Чили, Гватемале, Филиппинах, Индонезии, Марокко служат примерами успешного прохождения этой фазы в эффективном взаимодействии национального и глобального гражданских обществ с целью политических перемен.

5. *Последовательность в выполнении принятых обязательств.* На этой, завершающей, фазе задача взаимодействия национального и глобального

гражданских обществ состоит в контроле за выполнением государством принятых правовых и демократических обязательств и в дальнейшем развитии институционализации демократических норм и ценностей. Национальное гражданское общество начинает играть роль не только критика, но и партнера правительства в проведении политических и социальных изменений.

Эта последовательная смена фаз влияния национального и глобального гражданских обществ на политику авторитарных режимов, разумеется, — всего лишь идеальная схема. На самом деле такой рецепт успеха институционализации демократических норм не всегда, в силу разных обстоятельств, реализуется на практике. Примеры Китая, Колумбии и даже нынешней России свидетельствуют об этом. Как доказывают украинские примеры парламентских расследований деятельности негосударственных организаций в 2003–2004 годах и притеснений общественных организаций в период президентских выборов 2004 года, правительства проблемных государств часто воспринимают помощь международных общественных организаций их национальному гражданскому обществу как политическое вмешательство во внутренние дела страны и помощь внутренней политической оппозиции. А учитывая то, что большая часть программ демократического развития и поддержка международных НГО осуществляются с территории США, глобальное гражданское общество и деятельность его центров часто ассоциируются с внешнеамериканским влиянием.

Сами американцы, судя по всему, не делают большой тайны из политики своих “агентств по развитию”, ибо свято верят, что уникальный опыт демократического развития их страны на основании местного гражданского общества может быть успешно адаптирован в период глобализации в других странах. Однако, как признают американские эксперты, это убеждение, особенно во времена “холодной войны”, было отягощено существенными политическими ограничениями. Томас Каротерс и Марина Отавеи замечают по этому поводу: “В период “холодной войны” американские донорские институты и политики относились с обычной настороженностью к идее развития снизу (bottom-up development), усматривая в нем возможность переориентации политической общественной активности в левые политические движения. В многих странах Соединенные Штаты поддерживали антикоммунистических “дружественных тиранов”, которые жестоко подавляли народные движения” [14, с. 6–7].

И хотя политические мотивы отстаивания национальных интересов всеми странами сохраняются и в условиях глобализации, ситуация коренным образом изменилась. Успех европейских народно-демократических революций, распад коммунистической системы и утверждение либерально-демократических норм как доминирующих (по крайней мере как декларируемых большинством государств мира) означают, что парадигмы гражданского участия и развития гражданского общества становятся универсальными практиками предупреждения тирании и политического авторитаризма. Глобальное гражданское общество выступает универсальной системой формирования и пропагандирования новых ценностей и норм, власть которых может противостоять традиционным государственным властям и новым формам глобального правления.

Роль и авторитет глобального гражданского общества также усиливаются в глобальном мире. Вспомним хотя бы такие успешные кампании, инициированные именно международными общественными организациями, как принятие Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о запрете пыток в 1987 году, международная кампания по запрету наземных мин, успешные кампании защиты прав коренных народов и женщин в странах Африки и Азии. Эффективность влияния глобального гражданского общества и представляющих его международных организаций обуславливают наличие морального авторитета и реальных достижений этих организаций, а также их экспертное специализированное знание в конкретных сферах своей политики. В этом смысле перед глобальным гражданским обществом и международными общественными организациями стоят серьезные задачи и вызовы, особенно усложнившиеся после событий 11 сентября 2001 года, объявления глобальной войны против террора и американского вторжения в Ирак. Проблемы эти состоят в завоевании морального авторитета и доверия, прежде всего среди населения стран геополитического Юга, в борьбе против негативных социально-экономических последствий глобализации для развивающихся стран, в более широком и активном привлечении стран и организаций геополитического Юга к принятию решений и представительству в структурах глобального гражданского общества, в перенесении центров его активности непосредственно в проблемные зоны, страны и регионы мира.

Для посткоммунистических стран взаимодействие национального и международного гражданских обществ имеет особое значение и специфику. Исторические последствия Хельсингских соглашений 1975 года как международного юридического аргумента в политическом давлении на бывшие коммунистические страны и формирование эффективных коалиций для осуществления политических изменений — все это явилось свидетельством эффективности стратегии координации внутренних и внешних факторов демократизации бывших коммунистических режимов. Впрочем, как отмечалось, и внешнее политическое влияние не может заменить собой развитие гражданского общества, практик гражданского участия и инициативы на национальном уровне.

В этом контексте особенностью развития гражданского общества в Украине является трансформация его практик от агентств влияния, отчасти стимулированного поддержкой со стороны глобального гражданского общества, к политике широкого гражданского участия [16]. Именно такая трансформация способна преодолеть разрыв между существующими противоречивыми формами постсоветской социальности и формально-нормативными аналогами “гражданского общества”, представленного сетью профессионально-менеджерских НГО. Этот разрыв является одним из важных объяснений определенной изолированности структур и институтов гражданского общества от общества “не гражданского”. Как справедливо отмечается в отчете USAID о развитии НГО в Восточной Европе 2002 года, характер деятельности профессиональных НГО зачастую ориентирован скорее на потребности и интересы финансовых доноров, нежели на клиентов их услуг в обществе [17]. Закономерными последствиями подобной направленности, а также связанного с этим недостаточного уровня знаний граждан о деятельности общественных организаций является довольно низкий по-

казатель позитивного имиджа постсоветских НГО [17]. Приходится также признать, что стратегии международных организаций и агентств по развитию, традиционно акцентирующих внимание в своей деятельности на структуры, а не на изменения социально-культурной среды, в определенных аспектах неадекватны и требуют корректировки.

Некоторые выводы

Трансформация парадигмы агентств влияния в сторону формирования практики и политики гражданского участия в деятельности украинских НГО связана с реализацией стратегической социально-политической задачи разблокирования и демонтажа деформированной общественной системы, в которой системная коррупция является едва ли не главным институциональным препятствием развитию легальных рыночных отношений и гражданского общества. Это обуславливает утверждение норм верховенства права и развитие практик и культуры контрактных взаимоотношений между людьми как субъектами общественно-экономических отношений.

Особенно актуализируется перезревшая проблема коррекции стратегии украинских НГО в завоевании ими доверия общества. Речь идет о формировании общенационального проекта социального обновления, который общественные организации могли бы предложить обществу. Смысловым центром такого проекта могут стать конкретные предложения по созданию действенной системы защиты *общественного* интереса и внешнего контроля за властью. Инициатива в активном формировании политической повестки дня — это тот компонент, в котором украинская демократия обычно безнадежно отстает от власти, постоянно занимая позицию комментаторства “по поводу”.

И наконец, последнее. Социокультурный подход к реальным гражданским обществам, в частности к перспективам постсоветских гражданских обществ, подчеркивает важность культурных и институциональных факторов. Подобно тому, как макроэкономическую парадигму *Вашингтонского консенсуса* в качестве стандартизированного рецепта экономических реформ в переходных экономиках сняли с повестки дня как неадекватную, учитывая культурно-институциональные различия, точно так же все больше справедливой критики (и самокритики) вызывает схематический пакет *развития гражданского общества* при участии международных донорских организаций в странах с различными культурными особенностями. “Национализация” проектов гражданского общества и поиск оптимальных моделей сочетания специфических национальных интересов с универсальными демократическими идеалами — это единственный оптимальный путь формирования эффективного поля гражданской политики в разных странах, в том числе и в Украине.

Литература

1. *Anheier H., Themudo N. Organizational Forms of Global Civil Society: Implications of Going Global // Glasius M., Kaldor M., Anheier H. (eds.). Global Civil Society 2002. — Oxford, 2002. — P.191–217.*
2. *Keane J. Global Civil Society? — Cambridge, 2003.*

3. *Florin A., Simmons P.J.* What the World Needs Now? // Florini A. (ed.). *The Third Force. The Rise of Transnational Civil Society.* – Washington, 2002. – P.1–17.
4. См.: *Giddens A.* *The Consequences of Modernity.* – Cambridge, 1990.
5. *Halperin S., Laxer G.* *Effective Resistance to Corporate Globalization* // Halperin S., Laxer G. (eds.). *Global Civil Society and Its Limits.* – Houndmills, 2003. – P. 1– 25.
6. *Hall B.* *Global Civil Society: Theorizing a Changing World* // *Convergence.* – 2000. – Vol. 33. – Is. 1–2. – P.10–42.
7. *Fukuyama F.* *State-Building. Governance and World Order in the 21st Century.* – Ithaca, 2004.
8. См.: *Falk R.* *On Human Governance: Toward a New Global Politics.*– Cambridge, 1995; *Falk R.* *The Making of Global Citizenship* // Brecher J., Childs J.B., Culter J. (eds.). *Global Vision: Beyond the New World Order.* – Boston, 2003.
9. *Clark A.M.* *Non-Governmental Organizations and their Influence on International Society* // *Journal of International Affairs.* – 1995. – Vol. 48. – № 2. – P.507–525.
10. *Kaldor M., Anheier H., Glasius M.* *Global Civil Society in an Era of Regressive Globalization* // Kaldor M., Anheier H., Glasius M. (eds.). *Global Civil Society 2003.* – Oxford, 2003.
11. *Kumar C.* *Transnational Networks and Campaign for Democracy* // Florini A. (ed.). *The Third Force. The Rise of Transnational Civil Society.* – Washington, 2002. – P.113–132.
12. *Risse T., Sikkink K.* *The Socialization of Human Rights Norms into Domestic Practices: Introduction* // *The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Changes* / Ed. by Th.Risse et al. – Cambridge, 1999.
13. *Keck M., Sikkink K.* *Activists Beyond Borders: Transnational Advocacy Networks in International Politics.* – Ithaca; N.Y., 1998.
14. *Risse T.* *The Power of Norms versus the Norms of Power: Transnational Civil Society and Human Rights* // A.Florini (ed.). *The Third Force. The Rise of Transnational Civil Society.* – Washington, 2002. – P. 177–207.
15. *Carothers T., Ottaway M.* *Introduction. The Burgeoning World of Civil Society Aid* // T.Carothers, M.Ottaway (eds.). *Funding Virtue. Civil Society Aid and Democracy Promotion.* – Washington, 2000. – P.3–8.
16. См.: *Степаненко В.* *Громадянське суспільство в Україні: від практик “агенцій впливу” до політики громадянської участі* // *Національна безпека України. Конференція українських випускників програм наукового стажування у США.* 16–19 вересня 2004 року. – К., 2004. – С. 106–121.
17. *USAID: The 2002 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia. Executive Summary.* – http://www.usaid.gov/locations/europe_eurasia/demgov/ngoindex/2002.